

Савчук Арина Олеговна, студентка,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет НИУ «БелГУ»

Арестидов Даниил Вадимович, студент,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:
Сороколетова Марина Александровна,
старший преподаватель кафедры трудового и предпринимательского права,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет НИУ «БелГУ»

ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ФОРМЕ «ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА»

Аннотация. Статья рассматривает правовую характеристику экологических преступлений в форме «экологического терроризма» и указывает на пробелы российского законодательства. Автор предлагает нормативное закрепление понятия, разграничение с экоцидом и смежными составами (диверсия, повреждение имущества и др.).

Ключевые слова: Экология, терроризм, безопасность, экоцид, квалификация, законодательство.

Экологический терроризм представляет собой растущее измерение проблем национальной безопасности в современных государственных системах. Его актуальность, как во внутреннем, так и в транснациональном контексте, возросла в связи с формирующейся геополитической динамикой и расширяющимся потенциалом экологического саботажа как механизма принуждения или асимметричной войны.

Стратегическое использование разрушения окружающей среды – будь то воздействие на критически важные экосистемы, загрязнение источников водоснабжения или манипулирование атмосферными или геологическими системами – представляет собой не только непосредственную экологическую опасность, но и скрытый инструмент долгосрочной дестабилизации. Это явление приобретает особую актуальность в ситуациях, когда экологическая агрессия связана с радиоактивными материалами, такими как распространение ядерных частиц в результате несанкционированных взрывов или экспериментальных взрывов под видом исследовательских или оборонных инициатив. Такая деятельность, независимо от намерений, приводит к последствиям, которые не ограничены ни пространственно, ни во времени [3].

Таким образом, экологический терроризм – это не изолированное явление, а структурно закрепленная угроза в глобальной архитектуре безопасности. Его проявления часто обусловлены разрозненными национальными возможностями, пробелами в управлении и экономическим неравенством. Деградация экологических систем в государствах, испытывающих нехватку ресурсов, не ограничивается на местном уровне; скорее, она усиливает системную уязвимость, выходящую за рамки границ. И наоборот, в технологически развитых странах использование экологических активов в качестве оружия может происходить в контексте внутриполитической борьбы, гражданского недовольства или экологического экстремизма.

Несмотря на очевидный масштаб угрозы, существующая законодательная база остается недостаточно развитой. Существует пробел в определении: термин "экологический терроризм" еще предстоит четко закрепить в большинстве законодательных актов. Отсутствие общепринятой правовой конструкции препятствует применению контрмер и усложняет разработку международных протоколов.

Необходимым условием эффективного управления в этой области является формулирование однозначных определений. Понятие "экология" должно быть отделено от разговорных или риторических интерпретаций и восстановлено на своей дисциплинарной основе – как эмпирическое исследование взаимозависимостей между организмами и их биофизической средой. Исходя из этого, "экологический терроризм" может быть истолкован как преднамеренное, идеологически или политически мотивированное причинение экологического вреда с намерением запугать, дестабилизировать ситуацию или добиться уступок от государственных или негосударственных субъектов.

Учитывая трансграничный характер экологических систем и потенциальную необратимость некоторых форм экологического ущерба, законодательная инерция больше не является допустимым риском. Необходимо разработать специальный федеральный закон, касающийся экологического терроризма, с четкими определениями, юрисдикционными рамками, правоприменительными механизмами и международным сотрудничеством. Без такой правовой архитектуры как охрана окружающей среды, так и национальная безопасность по-прежнему подвержены уязвимостям, которые можно предотвратить, но которые постоянно упускаются из виду.

Федеральный закон "О борьбе с терроризмом" предоставляет юридически обобщенную основу для определения терроризма, структурированную таким образом, чтобы ее можно было применять к различным формам террористической деятельности. В данном законодательном контексте терроризм определяется как: совершение или угроза совершения насильственных действий, направленных против физических или юридических лиц; преднамеренное уничтожение или повреждение – или угроза этого – физического имущества и материальных ценностей, когда такие действия связаны с очевидным риском гибели людей, существенными экономическими потерями или другими социально опасными последствиями. Эти действия, как правило, совершаются с целью дестабилизации общественного порядка, принуждения государственных органов к занятию позиций, выгодных преступникам, или получения материальной или идеологической выгоды. Кроме того, терроризм признается как целенаправленная агрессия против политических деятелей или лиц, занимающих государственные должности, а также нападения на иностранных представителей или персонал организаций, пользующихся международной защитой. Такие действия могут преследовать различные цели – от возмездия за политическое поведение до преднамеренного провоцирования геополитических кризисов [1].

Примечательно, что законодательная формулировка исключает любое прямое упоминание природной среды как охраняемого объекта в соответствии с существующим определением. Следовательно, экологические цели прямо не кодифицированы в антитеррористических положениях Уголовного кодекса Российской Федерации, что приводит к существенному ущербу в юридической ответственности за экологически деструктивные действия с террористическими мотивами.

Важность экологической безопасности как компонента национальных и глобальных систем обеспечения безопасности все чаще признается научными кругами и политиками. Однако существующие правовые инструменты часто отстают от этого растущего понимания. Характерный случай произошел в июле 2000 года, когда группа французских промышленных рабочих в знак протеста против закрытия текстильного предприятия намеренно выпустила в

водоем около 3000 литров серной кислоты. Этот акт, который привел к почти немедленному выполнению их требований, связанных с трудоустройством, квалифицируется в соответствии с новыми определениями как форма экологического терроризма, при которой деградация окружающей среды стратегически используется в качестве рычага давления в социально-политических или экономических спорах.

Несмотря на то, что протестующие, возможно, добились краткосрочных уступок, долгосрочные экологические и токсикологические последствия такого события остаются непредсказуемыми. Водные экосистемы, пострадавшие от подкисления в такой высокой концентрации, подвергаются сложным биогеохимическим нарушениям, полное воздействие которых может проявиться в течение десятилетий. Кроме того, риски для здоровья человека, биоразнообразия и региональной водной безопасности подчеркивают серьезность применения экоцидной тактики в стремлении к трудовой справедливости.

Законные жалобы должны рассматриваться по структурированным, законным каналам, которые не наносят вреда незаинтересованному населению и необратимо не нарушают целостность окружающей среды. Неспособность институционализировать правовую защиту природной среды в рамках антитеррористических законов оставляет без внимания значительную уязвимость, особенно в geopolитическую эпоху, когда экологический саботаж может все чаще пересекаться с идеологическими и политическими конфликтами [5].

Современная траектория социально-политического развития в Российской Федерации отражает заметную эскалацию угроз национальной общественной безопасности. Эти угрозы все чаще исходят от экстремистско-сепаратистских субъектов, оперативная тактика которых выходит за рамки традиционного политического и уголовного насилия. Важным аспектом этой эволюции является возникновение экологического терроризма - явления, при котором террористические акты совершаются с преднамеренным намерением нанести экологический ущерб в качестве механизма идеологического или политического принуждения.

Несмотря на практическую значимость этой категории угроз, правовая кодификация экологического терроризма по-прежнему отсутствует в законодательстве Российской Федерации. Отсутствие кодифицированного определения приводит к аналитической и прокурорской неопределенности. Тем не менее, отсутствие четкой терминологии в законодательных актах не означает отсутствия возможности привлечения к ответственности. Вопреки распространенным заблуждениям, Уголовный кодекс Российской Федерации (УКРФ) дает косвенное, хотя и неполное представление о действиях, которые могут подпадать под эту новую классификацию.

В частности, в статье 2051 говорится о причастности к совершению террористических актов или содействии им. Это было включено в соответствии с законодательными поправками от 12 декабря 2003 года. Отдельно статья 358 (экоцид) касается действий, приводящих к крупномасштабному ухудшению состояния окружающей среды, таких как массовое уничтожение флоры и фауны, загрязнение атмосферы и воды, что приводит к экологическим катастрофам. Однако крайне важно отличать экологический терроризм от экоцида, поскольку первый отличается своей целью: экологический ущерб служит не просто следствием, но и стратегическим инструментом для оказания политического или идеологического давления.

Правовая и криминологическая дифференциация экологического терроризма от смежных категорий преступлений имеет первостепенное значение. Например, саботаж (статья 281), как правило, предполагает разрушение инфраструктуры с целью выведения из строя стратегических объектов, но не имеет специфической экологической направленности, характерной для экологического терроризма. Экономический терроризм, хотя и может повлечь за собой ущерб инфраструктуре или материально-техническому обеспечению, в

первую очередь направлен на дестабилизацию финансовых систем или рынков и по своей сути не влечет за собой экологических последствий [4].

Аналогичным образом, масштабы умышленного повреждения имущества (статья 167) и нападений на лиц, пользующихся международной защитой (статья 360), или даже террористических актов против государственных должностных лиц (статья 277), хотя и потенциально сопряжены с угрозой для общества, отличаются от экологического терроризма как по оперативному замыслу, так и по целевой функции.

Чтобы точно квалифицировать акт как экологический терроризм, необходимо одновременно соблюсти два критерия: (1) наличие экологического ущерба или угрозы его причинения в качестве основного механизма и (2) идеологические, политические или социальные мотивы, лежащие в основе этого акта. Когда эти элементы пересекаются с положениями других статей Уголовного кодекса (например, статей 205, 250, 252, 259), действия правонарушителя должны толковаться через юридическую конструкцию совокупной уголовной ответственности. Это означает, что экологический терроризм не следует относить к существующим классификациям, а скорее рассматривать как многофакторное правонарушение, требующее совместной квалификации в соответствии с несколькими законодательными положениями.

Экологический терроризм представляет собой категорию противоправных действий, связанных с преднамеренным причинением вреда природным системам, при этом намерение посеять страх или принудить к институциональному поведению является существенным квалифицирующим элементом. В отличие от обычных экологических преступлений, эта форма агрессии отличается своими целенаправленными психологическими и политическими последствиями, часто направленными на достижение более широких криминальных или идеологических результатов.

Чтобы усилить возможности правовой системы по предотвращению и смягчению последствий, необходимо внести поправки в действующие положения Уголовного кодекса. Эти изменения должны кодифицировать четкие определения, процессуальные рамки и карательные меры, характерные для актов терроризма, совершаемых по экологическим мотивам. Юридическая точность в этой области является не только превентивным инструментом, но и необходимым условием для приведения в соответствие с международными обязательствами по транснациональным природоохранным договорам и договорам о борьбе с терроризмом.

Лицо, причастное к подготовительным этапам экологического терроризма, может быть освобождено от уголовного преследования при условии доказанного сотрудничества с компетентными органами. Это включает, помимо прочего, своевременное предоставление разведывательной информации, которая способствует предотвращению рассматриваемого деяния. Такое освобождение возможно только в том случае, если поведение данного лица одновременно не является отдельным наказуемым деянием [2].

Экологический терроризм квалифицируется как составное преступление, затрагивающее множество охраняемых интересов. В первую очередь, он ставит под угрозу общественную безопасность; во вторую очередь, он направлен против экологической целостности. Объективные элементы правонарушения могут включать в себя такие действия, как взрыв, несанкционированное сжигание, выброс опасных материалов или инициирование событий, которые могут привести к крупномасштабному ухудшению состояния окружающей среды или человеческим жертвам. Примечательно, что для целей юридической классификации достоверность или осуществимость угрозы не являются обязательными – достаточно простого изложения с требуемым намерением.

Субъект права должен обладать определенными характеристиками: гражданством или правовым статусом иностранца-резидента или нерезидента, когнитивными способностями и достижением установленного законом возрастного порога в 16 лет. Субъективные элементы, в соответствии с частью 2 статьи 205(2) Уголовного кодекса, определяются преднамеренным намерением, как правило, направленным на дестабилизацию общественного порядка, посение страха среди населения или оказание неправомерного влияния на государственные или административные функции.

Таким образом, кодификация термина "экологический терроризм" в рамках федерального уголовного законодательства не просто целесообразна, но и является юридической необходимостью. При таком включении необходимо четко сформулировать нормативную базу, правоприменительные механизмы и институциональные обязанности в соответствии с установленными международными правовыми стандартами. Кроме того, роль систем массовых коммуникаций как в распространении, так и в сдерживании экологического экстремизма требует регулирующего надзора. С этой целью создание централизованного регулирующего органа, которому поручено бороться с правонарушениями в области охраны окружающей среды, особенно с теми, которые представляют высокий риск для общественной безопасности, представляет собой важнейшую структурную реформу [3].

В конечном счете, необходимо разработать четкое юридическое определение экологического терроризма в рамках российской правовой системы. Такая мера не только повысила бы четкость действий прокуратуры, но и привела бы законодательные структуры в соответствие с меняющимися формами угроз в рамках системы внутренней безопасности Федерации.

Так, экологический терроризм требует прямого определения и детализации в УК РФ и международных актах. Его отличительные цели и объекты обуславливают самостоятельную квалификацию и совокупность со смежными составами при необходимости. Закрепление четких норм усилит защиту общественной безопасности и окружающей среды и снизит риск подобных посягательств.

Список литературы:

1. Анисимов, А. П. Актуальные проблемы уголовной ответственности за экологические преступления / А. П. Анисимов // Трансформация права и правоохранительной деятельности в условиях развития цифровых технологий в России, странах СНГ и Европейского Союза: проблемы законодательства и социальной эффективности : Материалы VII Международной научно-практической конференции преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов, посвященной 110-летию Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, 24 апреля 2020 года. Том Часть 1. – Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2020. – С. 13-18.

2. Анисимов, А. П. Актуальные проблемы уголовной ответственности за экологические преступления / А. П. Анисимов // Трансформация правовых институтов и методов обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия и экологической безопасности в России, странах СНГ и Европейского Союза, на примере борьбы с коронавирусом «Covid- 19» : Материалы VIII Международной научно-практической конференции преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов, Саратов, 08 октября 2021 года. – Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2021. – С. 11-15.

3. Барбашова, Н. В. Особенности уголовной ответственности за экологический терроризм / Н. В. Барбашова // Научные труды. Российская академия юридических наук : Труды членов Российской академии юридических наук (РАЮН) и материалы XXIII Международной научно-практической конференции, Москва, 23–25 ноября 2022 года. – Москва: Издательская группа "Юрист", 2023. – С. 596-600.

4. Каргапольцева, К. А. Экологический терроризм как угроза экологической безопасности / К. А. Каргапольцева // Трансформация права : Материалы VII Всероссийского научно-практического Форума студентов и молодых ученых, Екатеринбург, 03–06 декабря 2024 года. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2025. – С. 185-194.

5. Копытова, Е. И. Криминологическая характеристика экологических преступлений / Е. И. Копытова, Г. М. Аглямова // XII Камские чтения : сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Набережные Челны, 20 ноября 2020 года / Казанский федеральный университет, Набережночелнинский институт ; ответственный редактор Л. А. Симонова. – Набережные Челны, 2020. – С. 977-980.

